

В. В. Фаузер

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ – ФАКТОР И УСЛОВИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ¹

В настоящее время актуальность изучения всех аспектов освоения Арктической зоны Российской Федерации состоит в том, что при ограниченности запасов в старообжитых районах страны Арктика рассматривается как источник ресурсов для социально-экономического развития России; исходя из факта признания данной территории самостоятельным объектом государственного наблюдения выдвигается положение, что лучшим ресурсом труда для экономики Арктики может стать демографический потенциал прилегающих северных регионов; приводятся разные точки зрения и подходы к определению сущности демографического потенциала, набору показателей по его оценке; на основе статистического анализа динамики численности населения, уровня рождаемости и смертности показывается, что количественно демографический потенциал северных регионов, начиная с 1990-х гг. существенно уменьшился, не последнюю роль в уменьшении его величины сыграл миграционный отток населения; выявлено, что в прилегающих северных регионах сохраняются положительные отличия половозрастной структуры. Полученные результаты могут быть использованы региональными правительствами при составлении стратегических планов социально-экономического развития территорий. В заключение статьи приводятся выводы и рекомендации.

Ключевые слова: Арктика, северные регионы России, демографический потенциал, рождаемость, смертность, прирост населения, миграция, структуры населения

Введение

Арктика — северная область Земли, включающая глубоководный Арктический бассейн, мелководные окраинные моря с островами и прилегающими частями материковой суши Европы, Азии и Северной Америки. В пределах Арктики расположены пять приарктических государств — Россия, Канада, Соединенные Штаты Америки, Норвегия и Дания, которые обладают исключительной экономической зоной и континентальным шельфом в Северном Ледовитом океане. К Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ) относится около трети всей площади Арктики.

Арктическая зона Российской Федерации имеет площадь около 9 млн км², здесь проживает более 2,5 млн чел., включая коренные народы, что составляет менее 2 % населения страны и около 40 % населения всей Арктики. При этом в АЗРФ создается 12–15 % ВВП страны, обеспечивается около четверти экспорта России.

Экономический интерес России к Арктике заключается в том, что она рассматривается как источник ресурсов для социально-экономического развития страны. В АЗРФ создан самый мощный индустриальный слой, а масштабы хозяйственной деятельности значительно превосходят показатели других полярных стран. Здесь высока доля добавленной стоимости добывающих отраслей и предприятий (составляет 60 %, в Гренландии, Норвегии, Швеции, Финляндии, Исландии — не более 15 %; на Аляске и в арктической Канаде — около 30 %).

АЗРФ выступает в качестве стратегической ресурсной базы Российской Федерации, обеспечивающей решение задач социально-экономического развития страны. Первое место в структуре хозяйства АЗРФ занимает газовый комплекс (здесь добывается более 80 % российского газа); второе — горнопромышленный. Третье место в хозяйственной структуре АЗРФ занимает рыбный комплекс. Здесь добывается более трети рыбы и морепродуктов России, производится около 20 % рыбных кон-

¹ © Фаузер В. В. Текст. 2014.

сервов¹. Таким образом, в ближайшей перспективе Арктика способна будет обеспечить решение задач социально-экономического развития страны в XXI в. и в значительной степени удовлетворить потребности России в углеводородных, водных, биологических ресурсах и других видах стратегического сырья.

20 февраля 2013 г. Президентом России была утверждена Стратегия развития Арктической зоны и обеспечения национальной безопасности до 2020 года. Пунктом 24 в ней предусматриваются совершенствование нормативно-правовой базы в сфере формирования основ государственного управления Арктической зоной Российской Федерации, законодательного закрепления ее статуса как особого объекта государственного регулирования с уточнением перечня муниципальных образований, территории которых включаются в ее состав, а также в сфере установления особых режимов природопользования и охраны окружающей среды, государственного регулирования судоходства по трассам Северного морского пути².

Для успешной реализации Стратегии необходим соответствующий демографический потенциал. Чтобы поддерживать его количество на сегодняшнем уровне (или в будущем, исходя из потребностей экономики страны), необходимо иметь простое или расширенное воспроизводство населения или постоянную внешнюю миграционную подпитку. Что касается внешней миграции, то нам представляется, что лучшими поставщиками человеческих ресурсов для Арктики являются прилегающие к ней северные регионы России. О том, насколько они готовы выполнить данную функцию, пойдет речь в этой статье.

Теоретические подходы к понятию «демографический потенциал»

Большинство авторов, изучающих понятие «демографический потенциал», отмечают, что в научный оборот его предложил ввести английский демограф Р. Фишер в 1920-х гг. Он рассматривал рождение человека как по-

лучение им жизни «в кредит», а последующее рождение собственных детей как «выплату долга». Однако предложенное понятие в демографии не нашло точного измерителя. При этом большинство авторов делают ссылку на Д.М. Эдиева. Но если быть точным, то Эдиев использует в работе, ссылаясь на Р. Фишера, понятие «репродуктивный потенциал» [19, с. 3].

Если обратиться к специальной энциклопедической литературе по демографии [4, 6, 10], то там мы не найдем какого-либо универсального или устоявшегося определения демографического потенциала, поскольку в указанных работах такое определение попросту отсутствует. В то же время в научной литературе широко используется категория «демографический потенциал». Белорусскими учеными даже подготовлена монография по данной тематике [5]. Причем большинство авторов имеют собственную трактовку этого понятия. Демографический потенциал отождествляют с трудовым потенциалом, либо с человеческим потенциалом — человеческим капиталом. Нам представляется это не совсем корректным. Действительно, основу этих потенциалов составляет демографический потенциал, определяемый количественными показателями населения и их динамикой.

Сущность и содержание, сходство и различие между демографическим и трудовым потенциалами подробно нами описано в [16, с. 29-35; 17]. Что касается категорий «человеческий капитал» и «человеческий потенциал», то, по мнению уральских ученых Дрошнева и Извозчиковой, они имеют определенное сходство и различия. Говоря о различиях, следует уточнить, что человеческий капитал — это фактически имеющиеся в наличии у человека способности (квалификация, специальная подготовка), которые обладают реальной стоимостью, а человеческий потенциал — это нереализованные или не развитые до необходимого уровня врожденные или первоначально приобретенные способности, которые не имеют стоимости, или размер ее крайне низок, но которые при желании человека и определенных способах мотивации можно развивать и эффективно реализовать в процессе труда.

Сходство данных понятий заключается в следующем: и потенциал, и капитал принадлежат человеку; потенциал первичен, а капитал произведен от потенциала; потенциал преобразуется в капитал при наличии у человека соответствующих потребностей. И далее отмечается, что основу человеческого потенциала составляет демографический потенциал, опреде-

¹ Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечение национальной безопасности на период до 2020 года. Проект // Минрегион России. [Электронный ресурс]. URL: http://www.minregion.ru/uploads/attachment/02_dtp/110113_a.doc (дата обращения: 31.01.2014).

² Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечение национальной безопасности на период до 2020 года // сайт Правительства России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.government.ru/docs/22846/> (дата обращения: 14.02.2014).

ляемый численностью и возрастно-половым составом населения [7].

В последние годы исследование демографического потенциала нашло отражение в монографическом исследовании С.А. Сукнёвой. В работе отмечается, что демографический потенциал характеризует совокупную способность населения региона к воспроизводству, то есть постоянному возобновлению поколений в результате рождения, смерти и миграции. Основными компонентами демографического потенциала, находящимися в тесной взаимосвязи, выступают общая численность населения региона, сложившиеся структуры населения (возрастно-половая, брачная, этническая, миграционная) и особенности его демографического поведения (в отношении создания семьи, рождения детей, здоровья и сохранения жизни, миграционной подвижности). Социально-экономическая обусловленность демографических процессов оказывает существенное воздействие на составляющие демографического потенциала, приводя к изменению количественных и качественных характеристик населения [13, с. 6].

Существует и другой подход к определению и оценке демографического потенциала: «...Следует отметить, что понятие демографического потенциала, как и многих других потенциалов в экономике, отображает „запас“ — количество населения данной территории и его способность к воспроизводству. Выходом демографического процесса является рождение детей, а потенциалом, обеспечивающим этот выход, — способность населения к воспроизводству.

Отсюда следует вывод, что количественная характеристика демографического потенциала соответствует численности населения фертильного возраста. Качественная характеристика демографического потенциала определяет производительность процесса воспроизводства населения, то есть рожденное число детей на одну женщину, естественно, фертильного возраста. В демографии этот параметр определяется коэффициентом рождаемости.

Тогда весь демографический потенциал может быть оценен как произведение численности женщин фертильного возраста (половины населения в данной возрастной группе) на коэффициент рождаемости в исследуемый период времени» [18].

Однако для целей демографического анализа больше подходит определение сущности демографического потенциала данное Вишневым, Васиным и Зайончковской. Они от-

мечают, что демографический потенциал страны в первом приближении — это число ее жителей. Характеризуя демографический потенциал, авторы используют следующие показатели: численность населения и его воспроизводство (рождаемость, смертность), возрастную структуру, ожидаемую продолжительность жизни, миграционный прирост, прогнозы роста населения, жизненный потенциал населения, демографическое старение и пенсионное обеспечение [3]. Можно заключить, что оценивая демографический потенциал северных регионов, достаточно использовать показатели (или их часть), предложенные указанными авторами.

Оценка демографического потенциала северных регионов России

Распад союзного государства, смена форм собственности, изменение роли государства в освоении северных районов и Арктики привели к существенному сокращению численности населения и трудовых ресурсов Российского Севера. Прежние экономические и социальные механизмы привлечения населения, его адаптации, а со временем переселения в места исхода перестали работать. В то же время экономика России зависит, и в обозримом будущем будет зависеть, от экономического потенциала северных регионов, их вклада в общий объем ВВП страны. Следовательно, в северных регионах страны надо иметь достаточный и эффективный демографический и трудовой потенциал, способный обеспечить необходимый уровень развития экономики Севера для удовлетворения потребности страны в углеводородном сырье, золоте, алмазах, иных стратегически важных ресурсах.

Российский Север долгие годы был привлекательным и в материальном плане, и по условиям работы местом жительства для всех жителей бывшего Союза ССР. Общественные призывы, организованные наборы, Всесоюзные комсомольские стройки, распределение выпускников образовательных учреждений обеспечивали экстенсивное освоение Севера и комплектование предприятий промышленно-производственным персоналом. Ситуация коренным образом изменилась в конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда практически со всех северных территорий начался миграционный отток населения, «началось разрушение демографического и трудового потенциала в районах нового освоения — на Севере, Дальнем Востоке, частично и в Сибири. С позиции перспектив развития этих регионов наиболее опасно то, что

Таблица 1

Численность населения северных субъектов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям в 1990–2014 гг., тыс. чел.

Регион	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2014 г.
Российская Федерация	147665	148460	146890	143801	142834	143667
Север России	9731	9048	8453	8162	7944	7885
Европейский Север	4808	4493	4124	3829	3598	3469
Республика Карелия	792	771	735	690	649	634
Республика Коми	1249	1157	1058	983	912	872
Архангельская область	1576	1498	1390	1299	1237	1192
Мурманская область	1191	1067	941	857	800	771
Азиатский Север	4923	4555	4329	4333	4346	4416
Республика Саха (Якутия)	1111	1037	963	953	9589	955
Республика Тыва	313	303	306	304	308	312
Камчатский край	477	422	372	344	323	320
Магаданская область	390	267	202	174	159	150
Сахалинская область	714	659	569	530	501	491
Ханты-Мансийский АО — Югра	1267	1293	1360	1462	1521	1597
Ямало-Ненецкий АО	489	478	496	514	524	540
Чукотский АО	162	96	61	52	51	51

они теряют ту часть населения, которая наиболее адекватна по своим профессионально-квалификационным навыкам сложившейся в этих регионах отраслевой структуре экономики и, в то же время, лучше всего адаптирована (из-за длительности проживания) к местным природным условиям. В целом плохо и то, что выезжающее население направляется в регионы, которые в ближайшем будущем неизбежно вновь превратятся в миграционных доноров для других частей страны» [12, с. 24].

С 1990 г. по 2014 г. численность населения Севера России уменьшилась с 9731 до 7885 тыс. чел., то есть совокупные потери северных территорий составили 1846 тыс. чел. При этом на европейскую часть Российского Севера приходится 72,5 % потерь, на азиатскую — 27,5 % (табл. 1).

Следует отметить позитивную тенденцию — в последние годы население Российского Севера уменьшается медленнее, чем население России в целом. Если за период с 1990 г. по 2000 г. Россия потеряла 775 тыс. чел., то за последние четырнадцать лет с 2000 г. по 2014 г. — уже 3223 тыс. чел. На Российском Севере за 1990–1999 гг. население уменьшилось на 1 млн 278 тыс. чел., а с 2000 по 2014 г. лишь на 568 тыс. чел. Иначе говоря, до начала XXI в. Российский Север ежегодно терял в среднем по 127,8 тыс. чел. в год, а за последние четырнадцать лет всего по 40,6 тыс., то есть стал терять в 3,1 раза меньше. Произошло это как вследствие начавшегося увеличения численности населения Азиатского Севера, так и

вследствие сокращения темпов уменьшения населения Европейского Севера. Если в целом за 1990–2013 гг. при почти равной численности населения Азиатский Север потерял 507 тыс. чел., а Европейский — 1339 тыс. чел., то за последние четырнадцать лет население Азиатского Севера увеличилось на 87 тыс. чел., а Европейский Север потерял 655 тыс. чел.

На Европейском Севере самые большие потери в численности населения понесла Мурманская обл. — 420 тыс. чел. (35,3 % от численности 1990 г.). Затем следуют Республика Коми — 377 тыс. чел. (30,2 %); Архангельская обл. — 384 тыс. чел. (24,4 %); Республика Карелия — 158 тыс. чел. (19,9 %).

На Азиатском Севере из восьми субъектов шесть потеряли население, а два региона имели абсолютный рост. Лидером по убыли населения является Чукотский АО — 111 тыс. чел. (68,5 % от численности 1990 г.). Существенная убыль населения была в Магаданской обл. — 240 тыс. чел. (61,5 %); Камчатском крае — 157 тыс. чел. (32,9 %); Сахалинской обл. — 223 тыс. чел. (31,2 %). В Республике Саха (Якутия) потери составили 14,0 % от численности населения 1990 г., но абсолютно они равны 156 тыс. чел. Кроме Чукотского АО на Азиатском Севере расположены еще два автономных округа, в которых, наоборот, наблюдался рост населения: в Ханты-Мансийском (Югра) — на 330 тыс. человек (126,0 %) и Ямало-Ненецком — на 51 тыс. человек (110,4 %). В Республике Тыва произошла небольшая убыль в численности населения — на 1 тыс. чел. (0,3 %).

Таблица 2

Число родившихся, умерших и естественный прирост населения северных субъектов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, в 1995–2013 гг., чел.

Регион	Год	Число родившихся	Число умерших	Естественный прирост
Север России	1995	95211	109052	-13841
	2000	87133	99215	-12082
	2005	99598	105529	-5931
	2013	119125	81184	37941
Европейский Север	1995	39705	62178	-22473
	2000	36450	59022	-22572
	2005	40341	61422	-21081
	2013	44504	44272	232
Азиатский Север	1995	55506	46874	8632
	2000	50683	40193	10490
	2005	59257	44107	15150
	2013	74621	36912	37709

Формирование демографического потенциала северных регионов органически связано с процессами, протекающими в России в целом. Это касается рождаемости, смертности и динамики средней продолжительности жизни. Протекая в рамках общих тенденций, на Европейском и Азиатском Севере демографическая динамика имеет свою специфику и отличие. Наиболее важным различием является то, что в целом по Азиатскому Северу число родившихся постоянно превышает число умерших (табл. 2).

Впервые с 1992 г. на Европейском Севере в 2013 г. наблюдается естественный прирост населения за счет уменьшения числа умерших, как и по России в целом. Положительный естественный прирост Европейскому Северу обеспечили Республика Коми (1952 чел.) и Мурманская область (674 чел.), Азиатскому Северу — все его регионы за исключением Сахалинской области.

Необходимо также заметить, что в последние четырнадцать лет наметилась положительная тенденция роста рождаемости. Это касается увеличения как числа родившихся, так и общих коэффициентов рождаемости. Не последнюю роль в повышении рождаемости сыграло изменение системы ценностей населения. Подробно об этом идет речь в статьях Архангельского [1] и Кузьмина [8]. Проводимый нами мониторинг репродуктивных установок студентов выявил следующую иерархию жизненных ценностей (%): иметь хорошее здоровье — 74,0; материальное благополучие — 72,3; иметь детей — 59,3; хорошие жилищные условия — 55,9; достичь успехов в работе — 47,6; чтобы брак был стабильным — 43,3; реализовать себя в различных сферах жизни — 36,8; со-

стоять в браке — 33,7; интересно проводить досуг — 25,0 [15, с. 63–64].

Что касается смертности, то она с 2004 г. имеет тенденцию снижения. В то же время следует подчеркнуть, что не все здесь так благополучно. Только по одной из причин смерти на Севере России потери лет потенциальной жизни в трудоспособном возрасте вследствие злокачественных новообразований в 2010 г. составили 43138 лет (в т. ч. у мужчин — 27812 лет, у женщин — 15326 лет), на Европейском Севере — 19456 лет (в т. ч. у мужчин — 12868 лет, у женщин — 6588 лет), на Азиатском Севере — 23682 года (в т. ч. у мужчин — 14944 года, у женщин — 8738 лет). Недополученный ВРП в результате потери лет потенциальной жизни в трудоспособном возрасте вследствие злокачественных новообразований в 2010 г. на Севере России составил 40771 млн руб. (0,83 % от ВРП), на Европейском Севере — 9114 млн руб. (0,85 % от ВРП), на Азиатском Севере — 31657 млн руб. (0,82 % от ВРП) (рассчитано по [11, с. 261, 263]).

Известно, что на всех северных территориях (исключение составляют Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО) средняя продолжительность жизни (СПЖ), как мужчин, так и женщин, ниже, чем в среднем по России. Однако резервы роста СПЖ на Российском Севере огромны даже при сравнении с соответствующими показателями, рассчитанными по другим территориям России, не говоря уже о сходных по природно-климатическим условиям регионах США (79 лет для обоих полов, 2012 г.) и Канады (81 год для обоих полов, 2012 г.). По сравнению со среднероссийскими показателями резервы увеличения СПЖ на северных территориях РФ составляют до 9 лет для мужчин и до 11 лет для женщин. В сравнении с мак-

Прирост (убыль) населения северных субъектов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям за 1991–2013 гг., чел.

Регион	Период	Прирост (убыль)			Среднегодовой прирост (убыль)	
		общий	естественный	механический	естественный	механический
Российская Федерация	1991–1995	17892	-2599396	2617288	-519879	523458
	1996–2000	-1988027	-4127058	2139031	-825412	427806
	2001–2005	-3067029	-4406566	1339537	-881313	267907
	2006–2010	-371149	-2007821	1636672	-401564	327334
	2011–2013	801498	-109329	910827	-36443	303609
	1991–2013	-4606815	-13250170	8643355	-576094	375798
Север России	1991–1995	-831771	56634	-888405	11327	-177681
	1996–2000	-499390	-24132	-475258	-4826	-95052
	2001–2005	-303318	-33950	-269368	-6790	-53874
	2006–2010	-168742	82960	-251702	16592	-50340
	2011–2013	-29938	102918	-132856	34306	-44285
	1991–2013	-1833159	184430	-2017589	8018	-87721
Европейский Север	1991–1995	-379853	-51645	-328208	-10329	-65642
	1996–2000	-345550	-86151	-259399	-17230	-51880
	2001–2005	-303426	-110443	-192983	-22088	-38597
	2006–2010	-199506	-46013	-153493	-9203	-30698
	2011–2013	-91452	-3729	-87723	-1243	-29241
	1991–2013	-1319787	-297981	-1021806	-12956	-44426
Азиатский Север	1991–1995	-451918	108279	-560197	21656	-112039
	1996–2000	-153840	62019	-215859	12404	-43172
	2001–2005	108	76493	-76385	15298	-15277
	2006–2010	30764	128973	-98209	25795	-19642
	2011–2013	61514	106647	-45133	35549	-15044
	1991–2013	-513372	482411	-995783	20974	-43295

симальными уровнями СПЖ, достигнутыми на некоторых российских территориях, резервы роста продолжительности жизни населения на Севере можно оценить более чем в 18 лет для мужчин и более чем 15 лет для женщин. В подтверждение сказанному приведем ряд примеров. Так, СПЖ для мужчин Тывы составляет 55,5 лет, а для мужчин Чукотки — 56,6 лет (занимают последнее и предпоследнее места в РФ). Худшие показатели у женщин Чукотского АО — 64,9 года и Республики Тыва — 66,9 лет. Для сравнения, средняя ожидаемая продолжительность жизни в Швеции у мужчин составляет 80,0 лет и у женщин — 84,0 года (2012 г.). Как видим, это разрыв на целую историческую эпоху, означающий принципиально иное качество жизни. Уровни продолжительности жизни, характерные в настоящее время для населения северных территорий России, соответствуют показателям для наименее развитых стран мира.

В формировании населения северных территорий исключительно важную роль всегда

играли миграции. Сегодня их роль также велика. Но если в период экстенсивного освоения Севера и Арктики миграции способствовали росту населения, то сегодня они, наоборот, «съедают» значительную часть населения северных территорий (табл. 3).

Как видно из табл. 3, динамика численности населения Российского Севера последние 20 лет в основном определялась миграционной убылью населения. Отрицательная миграционная динамика характерна как для европейского, так и азиатского Севера. Однако при этом азиатский Север, в отличие от европейского, на протяжении всего рассматриваемого времени отличается стабильным положительным естественным приростом.

Внутри северных субъектов в рассматриваемый период времени имело место разное сочетание естественного и механического приростов населения. В 1991–1995 гг. общий положительный прирост имели только Ханты-Мансийский АО — 23 тыс. чел. и Республика Тыва — 0,6 тыс. чел. На европейском Севере

все субъекты имели отрицательный, естественный и механический прирост. На азиатском Севере естественная убыль была только в Сахалинской области — 7582 чел., а механическая — повсеместно.

В 1996–2000 гг. имели общий положительный прирост только Ханты-Мансийский АО (80164 чел.), Ямало-Ненецкий АО (11221 чел.) и Республика Тыва (687 чел.), при этом Ханты-Мансийский АО имел положительные и естественный, и механический приросты, а Ямало-Ненецкий и Республика Тыва — только естественный прирост.

В 2001–2005 гг. положительный прирост населения Азиатскому Северу обеспечивает Ханты-Мансийский АО — 84343 чел., и Ямало-Ненецкий АО — 19114 чел.; первая территория имела положительный и естественный и механический прирост, а вторая — только естественный.

В 2006–2010 гг. демографическая ситуация на Европейском Севере оставалась по-прежнему неблагоприятной, все территории имели и естественную и миграционную убыль населения. В 2011–2013 гг. в Республике Коми и Мурманской области естественная убыль сменилась естественным приростом в связи с ростом числа родившихся и сокращением числа умерших. Рост рождаемости отчасти связан с тем, что в фертильный возраст стали вступать более многочисленные поколения женщин, родившихся в 1980-е гг., отчасти — с повышением интенсивности рождаемости после введения новых мер поддержки семей с детьми (приоритетные национальные проекты).

На азиатском Севере в 2006–2010 гг. половина территорий (республики Саха и Тыва, автономные округа — Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий) имела положительный прирост населения за счет естественного прироста, имея отрицательный механический прирост, за исключением Ханты-Мансийского АО; другая половина регионов — отрицательный прирост населения как за счет миграционной убыли, так и за счет естественной убыли, за исключением Чукотского АО. В 2011–2013 гг. все автономные округа азиатского Севера и Республика Тыва имели положительный прирост населения, все территории — отрицательный механический прирост, за исключением Ханты-Мансийского АО.

В целом за 1991–2013 гг. все территории европейского Севера имели естественную и миграционную убыль населения. На азиатском Севере все территории имели отрицательный механический прирост за исключением Ханты-

Мансийского АО; большинство — естественный прирост за исключением Магаданской и Сахалинской областей и Камчатского края (табл. 4).

Север России, имея отрицательный миграционный баланс практически со всеми регионами России, с 2005 г. стал иметь положительный миграционный прирост со странами дальнего и ближнего зарубежья (суммарно). Особое место в миграционном приросте занимают страны Средней Азии и Закавказья. С ними Север России имеет положительный прирост с 2004 г., а в 2005 г. он перекрыл убыль с другими странами. Картина стала меняться в 2012 г. Так, если миграционный прирост в 2011 г. составлял 17503 чел., то в 2012 г. уже — 13077. Частично это объяснить можно тем, что Россия для отдельных стран стала менее привлекательна с точки зрения миграции. По мнению Вечканова, это связано либо с расширением сферы занятости в странах, которые в недалеком прошлом активно перемещали мигрантов в Россию, либо переориентировались на рынки рабочей силы в других странах. В первом случае речь идет, например, об Азербайджане, во втором — о Молдавии. Если несколько лет назад в России работали 70 % мигрантов-молдаван, на Западе — 30 %, то теперь положение обратное [2, с. 48]. Действительно, если миграционный прирост с Азербайджаном в 2011 г. составил 21061 чел., то в 2012 г. — 18102.

В силу специфики формирования населения северных территорий здесь сложилась отличная от страны в целом возрастная структура населения. На Севере выше доля детей и лиц в трудоспособном возрасте и ниже, доля лиц старших возрастов. Однако это преимущество постепенно исчезает (табл. 5).

Объективные и субъективные факторы жизнедеятельности населения северных районов создают трудности в их адаптации, обуславливают предпосылки для сохранения высокого миграционного оборота и низкой приживаемости [9, с. 12]. Высокая миграционная подвижность населения поддерживает существование здесь достаточно молодой возрастной структуры. Если в среднем по России доля лиц старше трудоспособного возраста в 2010 г. составляла 22,2 %, согласно переписи населения 2010 г., то в районах Крайнего Севера — всего лишь 15,9 %.

За средней величиной скрывается значительное отличие районов, заселение и освоение которых происходило в разные исторические периоды. В относительно обжитых районах Севера, где постепенно формируется

Таблица 4

Прирост (убыль) населения северных субъектов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, по компонентам изменения численности населения за 1991–2013 гг., чел.

Регион	Годы					
	1991–1995			1996–2000		
	общий прирост (убыль)	в т. ч.		общий прирост (убыль)	в т. ч.	
естественный		механический	естественный		механический	
Европейский Север	-379853	-51645	-328208	-345550	-86151	-259399
Республика Карелия	-28099	-18643	-9456	-34547	-23977	-10570
Республика Коми	-107235	-2297	-104938	-89770	-11643	-78127
Архангельская область	-92896	-26074	-66822	-106946	-41473	-65473
Мурманская область	-151623	-4631	-146992	-114287	-9058	-105229
Азиатский Север	-451918	108279	-560197	-153840	62019	-215859
Республика Саха (Якутия)	-98663	40393	-139056	-62842	21611	-84453
Республика Тыва	583	14739	-14156	687	5638	-4951
Камчатская область	-72148	1523	-73671	-39993	-1624	-38369
Магаданская область	-144310	916	-145226	-46270	-1101	-45169
Сахалинская область	-85394	-7582	-77812	-69890	-11410	-58480
Ханты-Мансийский АО — Югра	23146	36583	-13437	80164	30945	49219
Ямало-Ненецкий АО	-1527	18952	-20479	11221	17120	-5899
Чукотский АО	-73605	2755	-76360	-26917	840	-27757
	2001–2005			2006–2010		
Европейский Север	-303426	-110443	-192983	-199506	-46013	-153493
Республика Карелия	-52772	-30272	-22500	-33459	-17292	-16167
Республика Коми	-79928	-19899	-60029	-63737	-4464	-59273
Архангельская область	-87280	-44761	-42519	-56958	-18330	-38628
Мурманская область	-83446	-15511	-67935	-45352	-5927	-39425
Азиатский Север	108	76493	-76385	30764	128973	-98209
Республика Саха (Якутия)	-3084	21194	-24278	3864	29665	-25801
Республика Тыва	-2840	7311	-10151	5243	19649	-14406
Камчатская область	-29806	-2482	-27324	-14935	-95	-14840
Магаданская область	-23548	-1774	-21774	-13863	-1728	-12135
Сахалинская область	-38928	-14199	-24729	-24382	-6998	-17384
Ханты-Мансийский АО — Югра	84343	46464	37879	69342	63440	5902
Ямало-Ненецкий АО	19114	19440	-326	7540	24414	-16874
Чукотский АО	-5143	539	-5682	-2045	626	-2671
	2011–2013			1991–2013		
Европейский Север	-91452	-3729	-87723	-1319787	-297981	-1021806
Республика Карелия	-8180	-5263	-2917	-157057	-95447	-61610
Республика Коми	-27158	4195	-31353	-367828	-34108	-333720
Архангельская область	-33095	-3656	-29439	-377175	-134294	-242881
Мурманская область	-23019	995	-24014	-417727	-34132	-383595
Азиатский Север	61514	106647	-45133	-513372	482411	-995783
Республика Саха (Якутия)	-3455	23843	-27298	-164180	136706	-300886
Республика Тыва	3629	14582	-10953	7302	61919	-54617
Камчатский край	-1795	1097	-2892	-158677	-1581	-157096
Магаданская область	-6222	-138	-6084	-234213	-3825	-230388
Сахалинская область	-5712	-1827	-3885	-224306	-42016	-182290
Ханты-Мансийский АО — Югра	60114	50954	9160	317109	228386	88723
Ямало-Ненецкий АО	14746	17748	-3002	51094	97674	-46580
Чукотский АО	209	388	-179	-107501	5148	-112649

Таблица 5

Удельный вес возрастных групп в общей численности населения северных субъектов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям по данным переписей населения за 1989, 2002 и 2010 гг., %

Год	Население в возрасте	Российская Федерация	Север России	Европейский Север	Азиатский Север
1989	моложе трудоспособного	24,5	29,3	27,0	31,5
	трудоспособном	57,0	61,8	60,6	63,1
	старше трудоспособного	18,5	8,9	12,4	5,4
2002	моложе трудоспособного	18,2	21,2	18,7	23,5
	трудоспособном	61,3	66,2	64,9	67,5
	старше трудоспособного	20,5	12,6	16,4	9,0
2010	моложе трудоспособного	16,2	19,2	16,7	21,2
	трудоспособном	61,6	64,9	63,2	66,4
	старше трудоспособного	22,2	15,9	20,1	12,4

стабильное в миграционном отношении население, видна тенденция приближения к российским возрастным пропорциям. Так, в Архангельской области и в Республике Карелия доля пожилого населения превышает 20 %. Выше доля пожилых людей, чем в среднем по районам Крайнего Севера, в таких субъектах, как Магаданская, Мурманская и Сахалинская области, Камчатский край и Республика Коми. Доля лиц старше трудоспособного возраста колеблется здесь от 16,7 до 19,6 %.

К числу самых молодых относятся регионы азиатского Севера: Ямало-Ненецкий (7,8 %), Чукотский (10,3 %), Ханты-Мансийский (10,6 %) АО и Республика Тыва (9,8 %). В этих регионах возрастная структура населения до последнего времени в наибольшей степени зависела от миграции, которая поддерживала постоянный рост численности и удельного веса молодых возрастных контингентов.

В последние годы, наряду с отрицательным естественным приростом, свой вклад в убыль населения вносит и миграция. Однако структура миграционных потоков по-прежнему способствует поддержанию на Севере более молодой возрастной структуры. Так, среди прибывших с 2005 г. по 2012 г. шло уменьшение доли лиц старших возрастов и увеличение доли молодых возрастов. В структуре выбывших уменьшалась доля молодых возрастов при одновременном увеличении доли старших. Структура миграционного прироста (убыли) по возрастам также показывает свое положительное влияние на возрастную структуру населения (табл. 6).

Однако несмотря на позитив миграции, в северных субъектах имеет место постарение населения (увеличение доли лиц старших возрастов), и, как следствие, рост среднего возраста. Вот ряд примеров по наиболее типичным се-

Таблица 6

Возрастной состав мигрантов северных субъектов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, в 2005 и 2012 гг., %

Регион	2005 г.			2012 г.		
	Возрастная группа мигрантов					
	моложе трудоспособного	трудоспособном	старше трудоспособного	моложе трудоспособного	трудоспособном	старше трудоспособного
<i>Прибывшие</i>						
Российская Федерация	13,8	73,8	12,4	14,6	74,9	10,5
Север России	14,5	78,0	7,5	14,7	78,3	7,0
Европейский Север	12,5	78,7	8,8	15,3	75,5	9,2
Азиатский Север	15,7	77,6	6,7	14,3	79,9	5,8
<i>Выбывшие</i>						
Российская Федерация	13,8	74,2	12,0	15,1	74,4	10,5
Север России	13,5	76,3	10,2	13,0	75,9	11,1
Европейский Север	12,3	77,2	10,5	13,6	75,1	11,3
Азиатский Север	14,3	75,7	10,0	12,6	76,4	11,0
<i>Общий миграционный прирост (убыль)</i>						
Российская Федерация	12,7	66,7	20,6	8,5	81,6	9,9
Север России	-8,9	-68,5	-22,6	0,6	-56,3	-44,3
Европейский Север	-11,7	-72,3	-16,0	-6,8	-73,5	-19,7
Азиатский Север	-5,8	-64,3	-29,9	19,0	-14,3	-104,7

верным территориям. За период 1979–2010 гг. существенно увеличился средний возраст населения: в Якутии с 27,2 до 33,0 лет, в Ханты-Мансийском АО — Югра с 26,4 до 33,7 лет и в Республике Коми с 29,2 до 37,2 лет. Следует обратить внимание, что сохранение отмеченных негативных явлений может создать ряд проблем для инновационного развития экономики Севера.

В районах Севера намного выше российского уровня доля трудоспособного населения. Она составляет здесь 64,9 % против 61,6 % для России в целом (перепись населения 2010 г.). Максимальна доля трудоспособного населения в районах Азиатского Севера (66,4 %), где самые тяжелые условия труда и жизни. В число территорий, где доля трудовых ресурсов выше среднего, входит Магаданская обл., а также Ханты-Мансийский, Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа. В период с 1989 г. по 2010 г. в населении северных территорий доля детей уменьшилась с 29,3 до 19,2 %, или на 34,5 %. По России доля детей уменьшилась с 24,5 до 16,2 %, или на 34,3 %. Следует также отметить, что в 2010 г. доля детей на европейском Севере была на 4,5 % ниже, чем на азиатском Севере.

На севере России в период с 1979 г. по 2010 гг. была отмечена повышенная доля мужчин, чем по стране в целом. На азиатском Севере выше доля мужчин, чем на европейском Севере. Такое положение можно объяснить интенсивностью миграционных потоков, на Севере она выше, чем по России в целом, а на азиатской части население более подвижно, чем на европейской (табл. 7). В 1979 г. 9 регионов имели мужской перевес: республики Коми и Саха (Якутия); Камчатская, Магаданская и Сахалинская области; Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский и Ямало-Ненецкий АО; в 2010 г. мужчин было больше только в Чукотском АО.

На Российском Севере в демографическом развитии и обеспечении отраслей народного хозяйства трудовыми ресурсами складывается крайне неблагоприятная ситуация [14, с. 204], и если для ее исправления не приложить максимум усилий, в первую очередь со стороны государства, то последствия могут быть самыми плачевными. Это касается заселенности стратегически и геополитически важных земель, наполняемости бюджета, сохранения уникальных северных народов.

Сегодня осваивать Север прежними методами: числом, а не умением — не представляется возможным. Демографический кризис подтолкнул организации искать иные пути и, в

Таблица 7

Удельный вес мужчин в общей численности населения северных субъектов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям по данным переписей населения за 1979, 1989, 2002 и 2010 гг., %

Регион	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Российская Федерация	46,0	46,7	46,6	46,2
Север России	49,8	50,2	48,5	47,9
Европейский север	48,9	49,3	47,6	46,9
Азиатский Север	51,1	51,0	49,4	48,8

первую очередь, через развитие человеческих ресурсов, их образование. По переписи населения 2010 г. уровень образования населения в возрасте 15 лет и старше в северных субъектах, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, был немного выше общероссийского уровня: 996 против 994 в расчете на 1000 чел. Однако если посмотреть на уровни профессиональной подготовки, то можно заметить, что Российский Север проигрывает по населению, имеющему послевузовское, высшее и незаконченное высшее образование: 257 против 280 в расчете на 1000 чел., и выигрывает по среднему и начальному профессиональному образованию: соответственно 406 и 368.

Заключение

Проведенный анализ динамики численности населения и его социально-демографических характеристик позволяет сделать ряд выводов и предложений.

В современных условиях нужен принципиально новый социально-экономический механизм привлечения и закрепления населения во вновь осваиваемые районы Севера и Арктики. Необходимо найти точки соприкосновения для согласования интересов государства, корпораций, общества, семьи и личности в этом вопросе.

Для привлечения и закрепления населения и, в первую очередь, молодежи во вновь осваиваемые районы Севера и Арктики необходимо предложить комплекс экономических стимулов и социальных гарантий, позволяющих сделать Арктику и Север России привлекательными и конкурентоспособными при определении своих жизненных стратегий населением страны. Рабочими инструментами могли бы стать концепция молодежной миграционной политики, экономический механизм кредитования демографических и миграционных

мер привлечения и закрепления населения во вновь осваиваемые районы Севера и Арктики и ряд других. В настоящее время подобных документов нет.

Учитывая то, что уже на протяжении более двух десятилетий идет уменьшение численности населения, обусловленное как естественной, так и миграционной убылью населения, необходимо принять срочные меры по улучшению ситуации. Изменить ситуацию с рождаемостью маловероятно, она будет оставаться на низком уровне, не обеспечивающем даже простое воспроизводство населения. Снизить смертность вполне реально. Для этого необходимо сконцентрировать усилия здравоохранения на тех направлениях смертности, которые уносят больше жизней, и работать с причинами заболеваемости, которые ведут к потере трудоспособности и инвалидности. Необходимо вести плановую работу с населением за здоровый образ жизни, что реально снизит смертность, понизит инвалидность.

Надеяться на положительный миграционный баланс с регионами России, не изменив государственную политику по отношению к северным территориям, не реально. Страны Средней Азии и Закавказья также снизили интенсивность миграции в Россию и, соответственно, на Север. Выходом из положения может стать программа по использованию вахтового метода. Но не как сегодня, когда он используется стихийно, на уровне крупных корпораций, — вахтовый метод как инструмент обеспечения организаций человеческими ресурсами должен регулироваться государством и региональными правительствами.

Представленный Росстатом прогноз численности населения до 2031 г. (высокий вариант) показывает, что численность населения по Северу России сократится с 7885 тыс. (на 01.01.2014 г.) до 7801 тыс. чел., в том числе по европейскому Северу с 3469 тыс. до 2 млн 855 тыс. чел. Что касается азиатского Севера, то здесь население возрастет с 4416 тыс. до 4946 тыс. чел.

Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект №12-7-5-001-АРКТИКА «Теоретико-методологические подходы к оценке демографической и миграционной емкости северных территорий с учетом элементов экологической безопасности для нужд хозяйственного освоения Арктики» (2012–2014).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Архангельский В. Н. Репродуктивное поведение населения Свердловской области на современном этапе демографического развития // Горизонты демографического развития России. Смена парадигм научного предвидения. Сборник материалов IV Уральского демографического форума с международным участием. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. — С. 142-150.
2. Вечканов Г. Актуальные проблемы российской миграции // Экономист. — 2013. — №5. — С. 35-50.
3. Вишневский А. Г., Васин С. А., Зайончковская Ж. А. Демографический и трудовой потенциал населения России // Путь в XIX век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Под ред. Д. С. Львова. — М.: Экономика, 1999. — 181 с.
4. Демографический понятийный словарь / Под ред. проф. Л. Л. Рыбаковского. — М.: ЦСП, 2003. — 352 с.
5. Демографический потенциал, человеческий и социальный капитал в условиях глобализации / С. Ю. Солодовников, Т. В. Кузьмицкая, А. А. Раков и др.; Институт экономики НАН Беларуси. — Минск: Право и экономика, 2006. — 396 с.
6. Демографический энциклопедический словарь / Редкол.: Валентей Д. И. (гл. ред.) и др. — М.: Советская энциклопедия, 1985. — 608 с.
7. Дрошнев В. В., Извозчикова С. А. Теоретические подходы к оценке человеческого потенциала // Основы формирования региональной политики развития человеческого потенциала. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. — С. 84-86.
8. Кузьмин А. И. Перспективы рождаемости на Урале в XXI веке // Горизонты демографического развития России. Смена парадигм научного предвидения : сб. мат-лов IV Уральского демографического форума с международным участием. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. — С. 150-161.
9. Лыткина Т. С. Человек на Севере после распада СССР. От признания к игнорированию // Известия Коми научного центра УрО РАН. — 2014. — №3. — С. 9-14.
10. Народонаселение. Энциклопедический словарь / Гл. ред. Г. Г. Меликьян. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. — 640 с.
11. Оценка ущерба от сокращения ожидаемой продолжительности жизни в результате онкологических заболеваний / Коробицын Б. А., Куклин А. А., Манжуров И. Л., Никулина Н. Л. // Экономика региона. — 2013. — №3. — С. 257-264.
12. Рыбаковский Л. Л. Исследования миграции населения в России. — М.: ИСПИ РАН, 2000. — 38 с.
13. Сукнёва С. А. Демографический потенциал развития населения северного региона. — Новосибирск: Наука, 2010. — 168 с.
14. Терентьева М. А. Методические подходы к оценке трудового потенциала региона // Федерализм. — 2012. — №3. — С. 198-204.
15. Фаузер В. В. Государственное регулирование рождаемости // Проблемы теории и практики управления. — 2014. — №5. — С. 58-64.

16. Фаузер В. В. Демография и трудовой потенциал развития Республики Коми. Научные доклады. Вып. 492 / Коми научный центр УрО РАН. — Сыктывкар, 2007. — 40 с.
17. Фаузер В. В. Оценка демографического и трудового потенциалов Республики Коми // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. — 2010. — №1. — С. 105-111.
18. Чаленко А. Демографический потенциал и экономическое развитие // Капитал страны. Федеральное интернет-издание. [Электронный ресурс]. URL: <http://kapital-rus.ru/articles/article/204908> (дата обращения: 21.03.2014).
19. Эдиев Д. М. Теория и приложения демографических потенциалов: автореф. дис... д-ра физ.-мат. наук. — М., 2008. — 36 с.

Информация об авторе

Фаузер Виктор Вильгельмович (Сыктывкар, Россия) — доктор экономических наук, профессор, руководитель отдела социально-экономических проблем, заведующий лабораторией демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26, e-mail: fauzer@iespn.komisc.ru).

V. V. Fauzer

Demographic potential of the Russia's northern regions as a factor and condition of economic development of the Arctic

Nowadays, the research relevance of all aspects of development of the Arctic zone of the Russian Federation consists the fact that in spite of limited stocks in the old rendered habitable regions of the country, Arctic is considered as a source of resources for socio-economic development of Russia. Based on the recognition that the territory is like a separate object of state observation, it is noted that the best resources for labor of the economy of Arctic may become demographic potential of adjacent northern regions. The different points of view and approaches to the definition of the demographic potential and a set of indicators by its assessment are given. On the basis of the statistical analysis of population dynamics and a level of birth rate and mortality, it is shown that quantitative demographic potential of the northern regions since 1990s significantly decreased. It was affected by the migratory outflow. It is revealed that in northern regions, there are still positive differences in age and sexual structure. Regional governments can use the results while drawing up Strategic plans of socio-economic development of territories. The article concludes with recommendations.

Keywords: Arctic, Russia's northern regions, demographic potential, fertility, mortality, population growth, migration, population structure

The article has been prepared with the support of program of basic research of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, project №12-7-5-001-Arctic «Theoretical and methodological approaches to an assessment of demographic and migratory capacity of the northern territories taking into account elements of ecological safety for needs of economic development of Arctic».

References

1. Arkhangelskiy, V. N. (2013). Reproductivnoye povedenie naseleniya Sverdlovskoy oblasti na sovremennom etape demograficheskogo razvitiya [Reproductive behavior of the Sverdlovsk region's population at the present stage of demographic development]. *Gorizonty demograficheskogo razvitiya Rossii. Smena materialov IV Uralskogo demograficheskogo foruma s mezhdunarodnym uchastiem [The horizons of demographic development of Russia. The paradigm shift of scientific anticipation. The proceedings of IV of the Ural demographic forum with the international participation]*. Yekaterinburg, Institut ekonomiki UrO RAN [Institute of Economics of the RAS], 142-150.
2. Vechkanov, G. (2013). Aktualnyye problemy rossiyskoy migratsii [Topical issues of the Russian migration]. *Ekonomist [Economist]*, 5, 35-50.
3. Vishnevskiy, A. G., Vasin, S. A. & Zayonchkovskaya, Zh. A.; Lvov, D. S. (Ed.) (1999). Demograficheskii i trudovoy potencial naseleniya Rossii [Demographic and labor potential of the population of Russia]. *Put v XIX vek. Strategicheskie problemy i perspektivy rossiyskoy ekonomiki [Way to the XIX century. Strategic problems and prospects of the Russian economy]*. Moscow, Economica Publ., 181.
4. Rybakovskiy L. L. (Ed.) (2003). *Demograficheskii ponyatiynnyy slovar [Demographic conceptual dictionary]*. Moscow, TsSP Publ., 352.
5. Solodovnikov, S. Yu., Kuzmitskaya, T. V., Rakov, A. A. et al. (2006). *Demograficheskii potentsial, chelovecheskiy i sotsialnyy kapital v usloviyakh globalizatsii [Demographic potential, the human and social capital in the conditions of globalization]*. Institut ekonomiki NAN Belarusi [Institute of Economics, NASB]. Minsk, Pravo i ekonomika [Law and Economics], 396.
6. Valentey, D. I. (Ch. Ed.) et al. (1985). *Demograficheskii entsiklopedicheskiy slovar [Demographic encyclopedic dictionary]*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya [Soviet encyclopediya], 608.
7. Droshnev, V. V. & Izvozchikov S. A. (2012). Teoreticheskie podkhody k otsenke chelovecheskogo potentsiala [Theoretical approaches to the human potential assessment]. *Osnovy formirovaniya regionalnoy politiki razvitiya chelovecheskogo potentsiala [Basis of fomration of regional policy of human development]*. Yekaterinburg, Institut ekonomiki UrO RAN [Institute of Economics of the RAS], 84-86.
8. Kuzmin, A. I. (2013). Perspektivy rozhdayemosti na Urale v XXI veke [Birth rate prospects in the Ural region in the XXI century]. *Gorizonty demograficheskogo razvitiya Rossii: smena paradigmi nauchnogo predvideniya. Sbornik materialov IV Uralskogo demograficheskogo foruma s mezhdunarodnym uchastiem [Horizons of demographic development of Russia: paradigm shift of scientific anticipation. The proceedings of IV the Ural demographic forum with the international participation]*. Yekaterinburg, Institut ekonomiki UrO RAN [Institute of Economics of the RAS], 150-161.

9. Lytkina, T. S. (2014). Chelovek na Severe posle raspada SSSR: ot priznaniya k ignorirovaniyu [A man in the north after collapse of the USSR: from recognition to ignoring]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN [News of the Komi Science Center, UB RAS]*, 3, 9-14.
10. Melikyan, G. G. (Ch. Ed.) (1994). *Narodonaselenie. Entsiklopedichskiy slovar [Population. Encyclopedic dictionary]*. Moscow, Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya [Big Russian encyclopedia], 640.
11. Korobitsyn, B. A., Kuklin, A. A., Manzhurov, I. L. & Nikulina, N. L. (2013). Otsenka ushcherba ot sokrashcheniya ozhidaemoy prodolzhitel'nosti zhizni v rezultate onkologicheskikh zabolevaniy [Damage assessment from reduction of the expected life expectancy as a result of oncological diseases]. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 3, 257-264.
12. Rybakovskiy L. L. (2000). *Issledovaniya migratsii naseleniya v Rossii [The population shift investigation in Russia]*. ISPI RAN [The Institute of Socio-Political Research, RAS], 38.
13. Suknyova, S. A. (2010). *Demograficheskiy potentsial razvitiya naseleniya severnogo regiona [Demographic potential of development of the of the northern region]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 168.
14. Terentyeva, M. A. (2012). Metodicheskie podkhody k otsenke trudovogo potentsiala regiona [Methodical approaches to an assessment of labor capacity of a region]. *Federalizm [Federalism]*, 3, 198-204.
15. Fauzer, V. V. (2014). Gosudarstvennoye regulirovanie rozhdaemosti [State regulation of birth rate]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya [Problems of the management theory and practice]*, 5, 58-64.
16. Fauzer, V. V. (2007). *Demografiya i trudovoy potentsial razvitiya Respubliki Komi. Nauchnyye doklady Vyp. 492 [Demography and labor potential of development of the Komi Republic. The Proceedings, Issue 492]*. Komi nauchnyy tsentr UrO RAN [Komi Science Center, UB RAS], Syktyvkar, 40.
17. Fauzer, V. V. (2010). Otsenka demograficheskogo i trudovogo potentsialov Respubliki Komi [Assessment of demographic and labor capacities of the Komi Republic]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra Uralskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk [News of the Komi Science Center, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]*, 1, 105-111.
18. Chalenko, A. Demograficheskiy potentsial i ekonomicheskoye razvitie [Demographic potential and economic development]. *Kapital strany. Federalnoye internet-izdanie [The capital of the country. Federal Internet edition]*. Available at: <http://kapital-rus.ru/articles/article/204908> (date of access: 21.03.2014).
19. Ediev, D. M. (2008). *Teoriya i prilozheniya demograficheskikh potentsialov: avtoref. dis ... d-ra fiz.-mat. nauk [Theory and applications of demographic potentials: published summery of a doctoral thesis]*. Moscow, 36.

Information about the author

Fauzer Victor Vilgelmovich (Syktyvkar, Russia) — Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Socio-economic Problems and the Laboratory of Demographic and Social Management, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, the Komi Republic, Russian Federation, 167982, e-mail: fauzer@iespn.komisc.ru).